

УДК 343.225

Б. А. Спасенников

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Москва, Российская Федерация*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ

АННОТАЦИЯ. Российский уголовный закон не раскрывает понятия принудительных мер медицинского характера. Каждая научная юридическая или медицинская школа раскрывает это понятие различно. Это приводит к ряду последствий, которые можно расценить как негативные. В статье дано авторское определение таких мер. Характеристика правоотношений, возникающих при применении принудительных мер медицинского характера, в отечественной научной юридической и медицинской литературе весьма разнообразна. Автор формулирует свое видение таких правоотношений. Показано, что лицо, страдающее тяжелой психической патологией, исключая волевое и осознанное поведение, не может нести обязанности, но имеет права, которые подлежат защите со стороны уполномоченных органов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовное право; клиническая криминология; правоотношения; принудительное психиатрическое лечение.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 13 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 7 июня 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

B. A. Spasennikov

*Research Institute of the Federal Penitentiary Service,
Moscow, Russian Federation*

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF COMPULSORY PSYCHIATRIC THERAPY

ABSTRACT. The Russian criminal law does not disclose the concept of compulsory measures of medical nature. Every scientific law school or medical school interprets this concept differently. This leads to a number of consequences which can be regarded as negative. The article provides the author's definition of such measures. The characteristics of legal relations arising from application of compulsory measures of medical nature is very diverse in the domestic scientific legal and medical literature. The author formulates his vision of such legal relations. He shows that a person suffering from severe mental pathology, excluding strong-willed and conscious behavior, can not bear obligations, but has rights that are subject to protection by authorized bodies.

KEYWORDS. Criminal law; clinical criminology; legal relations; compulsory psychiatric treatment.

ARTICLE INFO. Received April 13, 2018; accepted June 7, 2018; available online June 30, 2018.

Глава пятнадцатая отечественного уголовного закона не раскрывает понятие «принудительных мер медицинского характера» (далее – принудительная терапия). Сравнительный анализ трудов по юридической и медицинской наукам показывает, что общепринятого, единого определения принудительной терапии нет. Каждая научная юридическая или медицинская школа раскрывает это понятие различно. В этих весьма разнообразных определениях с различной степенью точности и полноты вскрыты наиболее значимые признаки такой терапии. В единичных трудах весьма скромно раскрывается правовое содержание и природа принудительной терапии [1, с. 48–51; 2, с. 107–109; 3, с. 53–61].

© Б. А. Спасенников, 2018

Мы полагаем, что это приводит к ряду последствий, которые можно расценить как негативные. В практике подчас сглаживается различие принудительного и недобровольного стационарного лечения у врача-психиатра, принудительной и обязательной терапии.

Отметим в историко-научном плане, что определение принудительной терапии отсутствовало и во всех предшествующих российских уголовных законах [4, с. 665–670].

Автор считает, что принудительная терапия – мера государственного принуждения, которая может назначаться, изменяться, продлеваться и прекращаться по определению суда лицам, совершившим в невменяемом состоянии (патологически измененном состоянии сознания) общественно опасное деяние (далее – деяние), а также лицам, у которых развилась тяжелая острая, декомпенсация хронической психической патологии после совершения ими преступления, что предопределяет невозможность назначения либо исполнения наказания; назначаемые приговором суда лицам, признанным виновными в совершении преступления во вменяемом состоянии, но страдающим психической патологией, которая не исключает состояние вменяемости, если эта патология оказала определенное влияние на волевой и осознанный выбор линии поведения в момент (во время) совершения преступления.

Принудительная терапия заключается в динамическом наблюдении и лечении, которое направлено на возможное восстановление, укрепление психического здоровья, а также профилактику ауто- или гетероагрессивного поведения, способного вызвать совершение нового деяния, то есть причинения вреда себе или окружающим, иного существенного вреда, а также повышение качества их жизни и адаптации в обществе [5, с. 1109–1115]. Не меньшее значение имеет то, что принудительная терапия дает возможность защитить законные интересы и права лица с тяжелой психической патологией.

О сложности раскрытия правоотношений, которые возникают в связи с применением принудительной терапии писали различные правоведы.

В.Г. Белоус считает, нормы, которые посвящены в уголовном законе принудительной терапии, не могут регулировать уголовные правоотношения, несмотря на то, что находятся в соответствующем кодексе. Автор объясняет свою позицию тем, что задача уголовного закона связана с защитой от криминальных посягательств. Деяние психически больного, лишенного способности осознавать свое поведение и руководить им, не относится к криминальному посягательству, так как это деяние не содержит всех признаков, необходимых для состава преступления [6, с. 26–32]. Но, назначение принудительной терапии субъекту, который признан виновным, страдает психической патологией, которая не исключает вменяемости, полностью опровергает доводы В.Г. Белоуса.

А.О. Дивитаева считает, что деяние, совершенное психически больным в состоянии невменяемости, – факт, порождающий правовое отношение. Суд, установив это факт, вправе применить к лицу принудительную терапию. Сторонами правового отношения являются, с одной стороны, государство, а с другой – лицо, которое во время совершения деяния, не обладало способностью осознавать общественную опасность своих действий и (или) ими руководить [7, с. 61–66]. Уважаемая коллега не указывает, каким образом лицо, которое не способно к волевому и осознанному поведению, может нести обязанности, предусмотренные этим правоотношением. Мы полагаем, что человек, лишенный волевого и осознанного поведения, не может нести обязанности, но нуждается в охране государством его прав.

С.Б. Пономарев также считает позицию А.О. Дивитаевой не вполне точной: «в ходе разрешения такой проблемы, следует исходить из того, что уголовно-пра-

вовым регулированием предусмотрена возможность применить принудительное психиатрическое лечение в отношении как полностью невменяемых, так и в отношении тех, кто совершил преступление пребывая в ограниченной вменяемости (последнее словосочетание нельзя принять с учетом названия двадцать второй статьи уголовного закона. – Автор.). Наибольшие проблемы возникает при исследовании характера правоотношений, которые порождаются деяниями невменяемого лица. Применение принудительного психиатрического лечения к таким больным предусмотрено уголовным законом. Отсюда следует, что уголовно-правовые нормы и регулируют правоотношения, связанные с назначением, отменой или изменением принудительного лечения. Правовым фактом, способным породить возникновение таких отношений, является совершение тех деяний, которые указаны в Особенной части уголовного закона. Субъектом в таком правоотношении есть, с одной стороны, лицо, которое совершило общественно опасное деяние в болезненном состоянии невменяемости, а с другой – российское государство (в лице уполномоченных органов)» [8, с. 119–122].

Следует согласиться в том, что правоотношения, возникающие в связи с применением принудительной терапии, – вид уголовно правоотношений, которые возникают как в результате совершения общественно опасного деяния, так и при совершении собственно преступления. Но, особенности таких правоотношений С.Б. Пономарев не раскрывает.

По мнению автора, основанием для возникновения правоотношения может являться:

1. Установление юридического факта о совершении деяния, которое предусматривается уголовным законом. При этом лицо, его совершившее, во время деяния пребывало в состоянии невменяемости, то есть не имело волевого и осознанного поведения вследствие хронической, острой или «пограничной» психической патологии. До восстановления способности больного к волевому и осознанному поведению правоотношение имеет односторонний охранительный характер. Субъектами такого правоотношения являются, с одной стороны, государство (специально уполномоченные органы), с другой – психически больное лицо, совершившее общественно опасное деяние. Содержание правоотношений – права и обязанности их субъектов. Государство может назначить лицу принудительную терапию, но, обязано назначить только тот вид принудительной терапии, которая соответствует актуальному психическому статусу больного, опасности ауто- или гетероагрессии с его стороны. Больной человек имеет право на тот вид принудительной терапии, который соответствует его актуальному психическому статусу, но, такой пациент не может иметь и исполнять обязанности, поэтому правовые отношения носят односторонний охранительный характер.

2. Установление юридического факта о совершении преступления вменяемым субъектом, то есть обладавшим способностью к волевому и осознанному поведению, но не в полной мере, вследствие «пограничной» психической патологии, легких форм слабоумия, состояния субремиссии хронической психической патологии. Правоотношение имеет уголовно-правовой характер. Содержание правоотношения в таком случае более полное, связанное с уголовной ответственностью и исполнением наказания. Государство вправе назначить лицу амбулаторную принудительную терапию, соединенную с исполнением наказания, но обязано направить осужденного в то исправительное учреждение, где существует возможность оказания психиатрической помощи. Лицо, совершившее преступление, обязано подвергнуться наказанию и соединенной с ним принудительной терапии, но имеет право на пребывание в том исправительном учреждении, где возможно получить амбулаторную психиатрическую помощь.

3. Установление юридического факта о совершении преступления вменяемым субъектом, у которого после его совершения возникла острая психическая патология (либо обострение хронической психической патологии), которая определяет невозможность назначения или исполнения наказания. На этапе принудительной терапии с целью восстановления способности лица к волевому и осознанному поведению правоотношение имеет односторонний охранительный характер. После достижения целей принудительной терапии, восстановления способности лица к волевому и осознанному поведению, правоотношение принимает обычный уголовно-правовой характер, а лицо может подлежать уголовной ответственности и способно отбывать наказание.

Меры, предусмотренные главой пятнадцатой отечественного уголовного закона, относятся к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным статьей второй УК РФ.

Таковы, по мнению авторов, правовая природа принудительной терапии и характер правоотношений, возникающие при ее применении.

Список использованной литературы

1. Агеева М. П. О видах принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 99 уголовного кодекса российской федерации) / М. П. Агеева // Актуальные вопросы образования и науки. – 2014. – № 3–4. – С. 48–51.

2. Белоус В. Г. Критический анализ публикаций, посвященных проблеме невменяемости / В. Г. Белоус // Актуальные вопросы образования и науки. – 2013. – № 5–6. – С. 107–109.

3. Бычкова А. М. Региональная динамика состояния общественно-опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности / А. М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 53–61.

4. Спасенников Б. А. Нервно-психическая патология и преступное поведение / Б. А. Спасенников, М. Г. Спасенникова // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 665–670.

5. Spasennikov B. A. Cerebral Pathology and Criminal Behavior / B. A. Spasennikov, L.F. Pertly, M. A. Kaluzhina // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. – 2017. – Vol. 8, no. 3. – P. 1109–1115.

6. Белоус В. Г. Актуальные проблемы юридической психологии / В. Г. Белоус, П. В. Голодов, Спасенников Б. А. // Вестник международного Института управления. – 2015. – № 1-2. – С. 26–32.

7. Дивитаева А. О. Научная школа медицинского права «Института управления» / А. О. Дивитаева // Вестник международного Института управления. – 2015. – № 3-4. – С. 61–66.

8. Спасенников Б. А. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI–XIX веков / Б. А. Спасенников, С. Б. Пономарев // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2016. – Т. 26. – № 2. – С. 119–122.

References

1. Ageeva M. P. Forms of Compulsory Measures of Medical Character (Commentary on Article 99 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Science*, 2014, no. 3-4, pp. 48–51. (In Russian).

2. Belous V. G. Critical Analysis of Scientific Publications on the Issue of Insanity. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Science*, 2013, no. 5–6, pp. 107–109. (In Russian).

3. Bychkova A. M. Regional dynamics of socially dangerous behavior of persons who have not reached the age of criminal discretion. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2012, no. 1, pp. 53–61. (In Russian).

4. Spasennikov, B. A., Spasennikova, M. G. Neuropsychiatric disorders and criminal behavior. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 665–670. (In Russian).

5. Spasennikov B. A., Pertly L. F., Kaluzhina M. A. Cerebral Pathology and Criminal Behavior. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 1109–1115.

6. Belous V. G., Golodov P. V., Spasennikov B. A. Current Problems of Legal Psychology. *Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya = Herald of the International Institute of Management*, 2015, no. 1-2, pp. 26–32. (In Russian).

7. Divitaeva A. O. Scientific school of medical law of the “Institute of Management”. *Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya = Herald of the International Institute of Management*, 2015, no. 3-4, pp. 61–66. (In Russian).

8. Spasennikov B. A., Ponomarev S. B. The problem of sanity in the russian criminal law of xvi-xix centuries. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 119–122. (In Russian).

Информация об авторе

Спасенников Борис Аристархович – доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>.

Author

Boris A. Spasennikov – Doctor habil. in Law, Doctor habil. in Medicine, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, 15-A Narvskaja St., 125130, Moscow, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>.

Для цитирования

Спасенников Б. А. Теоретико-правовые основы принудительной психиатрической терапии / Б. А. Спасенников // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9, № 2. – DOI: [10.17150/2411-6262.2017.9\(2\).15](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.9(2).15).

For Citation

Spasennikov B. A. Theoretical and Legal Foundations of Compulsory Psychiatric Therapy. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. DOI: [10.17150/2411-6262.2018.9\(2\).15](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(2).15). (In Russian).